

ЗА РУБЕЖОМ

в братских странах социализма

СВОИМ ИСКУССТВОМ СЛУЖУ ЛЮДЯМ

Одно дело, когда задаешь себе такой вопрос, сидя за письменным столом, и панически глядишь на еще чистые листы бумаги. И уже совершенно другое, когда с этой мыслью, преодолевая сердцебиение, усаживаешься в переполненном зрительном зале за несколько минут до того, как раздвинется занавес и откроет взорам зрителей место действия пьесы, где будут решаться судьбы ее героев.

В каком-то журнале я прочитал, что результаты обследования водителей за рулем автомобиля в часы пик свидетельствуют о невероятном нервном напряжении: резко повышается кровяное давление, учащается пульс... Было бы любопытно сделать подобное обследование авторов пьес во время театральной премьеры. Мне кажется, что полученные показатели были бы не менее тревожны.

Автор прекрасно знает, что написанный им текст — в надежных руках режиссера-профессионала, что актеры, которые будут воплощать его героев, превосходны, что абсолютно все в сложном комплексе, называемом «спектакль», надежно. Но вопреки этому автор до предела напряжен. Ведь во время премьеры в игру впервые включается новая фигура — зритель. Фигура, которой в театре подчинено все остальное.

Это тот самый зритель, который после целого дня забот удосужился отправиться в театр; который терпеливо выстоял в очереди у театральной кассы; проталкивался в битком набитый автобус или с трудом повил такси. Тот самый зритель, который не удовлетворяется программой, поднесенной ему на блюдечке телевидением прямо в квартиру; который должен еще просить соседей присмотреть за детьми, который должен... должен...

И автор спрашивает себя: «Не обману ли я этих людей? Их ожиданий? Способен ли я сказать этим людям нечто такое, что компенсирует их надежды? Не украл ли я у них вечер? Не отвлек ли я их от книги, которая могла бы дать им больше? Не отвлек ли я их от решения какого-то важного общественно полезного дела?»

Лично меня подобный рой мыслей одолевает все время, пока идет представление, и особенно тревожит до начала спектакля. Но вот свет в зале постепенно гаснет, неумолимо раздвигается занавес. Звучат первые реплики...

Зрители уже объединены незримым сплетением судеб героев. Образуется невидимый мост между сценой и зрительным залом. Зал начинает дышать в одном общем ритме. Зрители то утирают украдкой слезы, то в глазах их вспыхивает улыбка. Они сопереживают радость и страдания героев...

И лишь только в эти минуты автор начинает сознавать, что обратился к сидящим вокруг людям на понятном им языке, что он не сбился с курса, нашел путь к сердцу зрителя. Зритель, наш современный, умный, требовательный и думающий зритель, — вот ключ моего понимания вопроса: «Кому служит искусство...»

Мне не раз доводилось

сталкиваться с мнением, что художник свободен и поэтому не должен никому служить. Приверженцев такого взгляда еще немало. Точнее говоря, есть еще немало тех, кто остался в плену старых представлений о слуге. Классическом слуге, который служил своему господину за соответствующую (а чаще не соответствующую) мзду, совершая действия, отнюдь не отвечающие его убеждениям. Однако содержание понятия «служба» существенно изменилось в мире социализма. В первую очередь изменилось классовое содержание этого понятия, потому что в прошлом (а в капиталистических странах и поныне) понятие «служба» подменяется словом «господин». Классический слуга был безраздельно связан с существованием господина — его собственника. В условиях социалистического строя, который впервые в истории человечества коренным образом решил проблему классов, понятие «служение», «служба» приобрело совершенно новый смысл, исторически новое качество и содержание.

Сегодня мы говорим о служении, службе в связи с обороной родины, охраной здоровья, удовлетворением социальных нужд населения, в связи с охраной общественного порядка и безопасности граждан. При таком понимании слов «служение», «служба» на первый план выступает момент добровольности, проистекающий из осознанной необходимости. Великая Отечественная война советского народа так же, как и наше Словацкое национальное восстание, тридцатую годовщину которого мы отметили в августе нынешнего года, дает бесчисленное множество примеров героизма лучших сынов и дочерей наших народов, а это и есть свидетельство их нового понимания служения родине. Я мог бы привести немало таких примеров и из повседневной общественной жизни сотен тысяч наших людей.

Каждый из нас в той или иной мере служит. Каждый из нас выполняет какие-то свои обязанности, которые определенным образом способствуют решению общественных задач, выдвигаемых практикой строительства развитого социалистического общества. И в этом смысле, при таком понимании «служения» мне вообще не в тягость служить. Мой труд литератора, драматурга — тоже служба. Служение нашему обществу, людям нашей социалистической эпохи, которые взяли на себя бремя нелегкой задачи создать подлинно человеческий, справедливый мир, в котором человек человеку будет человеком. И если мне удастся открывать людям примечательную, а порой и суровую красоту этой эпохи, если мне удастся, пусть хоть немного, нанести на карту еще малоизвестные материи внутреннего мира людей нашей эпохи, то это моя добровольная служба, мое служение высоким идеалам социалистической нравственности, основанной на качественно новых человеческих взаимоотношениях.

Освальд
ЗАГРАДНИК,
чехословацкий драматург.
БРАТИСЛАВА.